

ГЕРОИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ

Сегодня в Челябинском драматическом театре имени Цвиллинга открывается 50-й юбилейный сезон. В театральном коллективе выросла замечательная плеяда артистов, получивших признание зрителя.

Рассказываем об одном из представителей этого отряда работников искусства — заслуженном артисте РСФСР В. И. Милосердове.

ПРОБЛЕМА создания героического характера — одна из самых трудных в сценическом искусстве. Разрешение ее требует от актера максимального напряжения не только всех его творческих сил, но и всей его человеческой личности.

Героические образы заслуженного артиста республики Владимира Милосердова, созданные им на сцене Челябинского государственного драматического театра имени С. М. Цвиллинга, подтверждают это. Вспомним хотя бы три его последние роли этого плана — Гулевого в «Конарми» по И. Бабелю, Емелю в «Царе Юрии» В. Соловьева и Всеволода в «У времени в плену» А. Штейна.

Успех в этих ролях дался актеру нелегко. Главная трудность, которую преодолевал здесь актер, заключалась в том, чтобы героический пафос, пронизывающий эти роли, не оставался лишь голым пафосом, а опираясь бы на крепкую жизненную почву, питался всеми ее живительными соками — революционной страстью, патриотизмом, глубокой правдой. Положим, все это заложено в самих ролях. Но только тогда все эти элементы действительно превращаются в игре актера в покоряющую зрителя силу, когда они согреты личностью артиста, когда они находят «горючий материал» в самом мировоззрении художника. Никакими художе-

ственными средствами нельзя «сыграть пафос», то есть сыграть можно, только никто в этот пафос не поверит. Тут подавай лишь неподдельный жар собственного сердца, свою идейную убежденность.

Вот почему в этих ролях видна личность прежде всего самого исполнителя, актера-коммуниста, который чувствует свою личную ответственность за все, что происходит в жизни. Это отнюдь не мешает ни Гулево, ни Емеле, ни Всеволоду предстать перед нами во всем живом обаянии своих индивидуально-конкретных черт. Наоборот, именно благодаря этому они приобретают особую силу и убедительность и в своем идейном звучании приближаются к нам, становятся как бы нашими современниками. Это уже такая идейно-художественная завершенность образа, которая доставляет нам эстетическое наслаждение.

Гулевой Милосердова соткан из множества осязаемых жизненных нитей, по которым зритель ярко видит всю его не только настоящую, но и не вошедшую в рамки сценического повествования прошлую жизнь. Отчаянный жизнелюб и мечтатель, первоначально наивный и талантливый стратег войны, который «шею врагам гнет, несмотря на их образованность», он весь кипит и пенится от захватывшего его потока революции. Но главная нить его темперамен-

та — беззаветная преданность революции — тянется к нему из сердца актера, питается его идейной убежденностью. Выдерни ее — и образ потеряет героическую открытость, превратится в бытовую, юмористически окрашенную фигуру.

Такая творческая логика определяла ход работы и над другими ролями.

— Мужик Емеля — роль не главная и вроде бы уже давно знакомая. Поначалу я даже не счел увлекся ей, — рассказывает актер. — Ну, представитель крепостного люда, который ищет правды у трона царей, чтобы разгадать тайну: почему это разные цари салятся на трон, а суть одна — народу становится все тяжелее? И вдруг в сцене с Годуновым понял глубокий смысл образа. Я догнул до огромного идейного и эмоционального заряда образа и был захвачен им. Прикрываясь маской юродивого, Емеля бросает в лицо царю правду о кровавой, преступной природе самодержавной власти. В этих кликах шута звучит грозный приговор царям от имени народа. И роль стала близкой нам, весомой, заметной, идейно цементирующей все огромное трагическое произведение о смутном времени.

Всеволод — роль очень интересная, но разорванная, трудная, зажить в ней нелегко. Публицистичность в ней должна звучать так же органично, как и живые жизненные куски. Долгое время артисту не удавалось связать все воедино. И только когда в сознании самого актера завершился процесс идейного слияния образа с современностью, герой зажил, и актер «ощутил радость от цельности образа».

Б. СУШКОВ,

Челябинский рабочий
г. Челябинск

12 СЕН 1971